

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Маленькие повести и рассказы

ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Евгения Григорьевна Евтушенко
И невозможное возможно.
Маленькие повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507945

ISBN 9785449066237

Аннотация

Автор погружает читателя в мир человеческих характеров, судеб и отношений, раскрывает глубинные основы поведения и поступков в разных жизненных ситуациях. Это помогает читателю глубже и полнее понять себя. Привлекает жизнеутверждающий, позитивный характер повествования, дающий надежду на счастливый выход из самых сложных обстоятельств жизни.

Содержание

Поздняя любовь	5
Хозяйка судьбы	37
Ласковый и нежный зверь1	58
Пять дней в Провансе	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

И невозможное возможно
Маленькие
повести и рассказы

Евгения Григорьевна
Евтушенко

© Евгения Григорьевна Евтушенко, 2018

ISBN 978-5-4490-6623-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поздняя любовь

Петр Иванович – высокий, сухощавый, с тонкими чертами лица, лица интеллигента. Он держится свободно, всегда спокоен, уверен в себе. Улыбка у него открытая, оживляет лицо. Любит пошутить, посмеяться. С ним легко. Чувствуется, что не держит камня за пазухой.

Седина уже посеребрила его виски. За своей внешностью следит тщательно. Хорошо одевается – добротнo и со вкусом. Любит яркие галстуки, платки и жилеты.

Руководит отделом в крупной фармацевтической компании и в карьере, пожалуй, достиг своего потолка. К большему уже не стремится.

Перевалило за пятьдесят – полжизни прожито. Недалеко и до старости. Ее приближения Петр Иванович боится. Старается не думать об этом, просто жить.

А жизнью своей доволен. Но – какая-то однообразная она. Все понятно, знакомо, предсказуемо. «Скучновато». Он не печалится, нет-нет. Просто все уже давно определилось, все известно. Цели достигнуты. Пришло то, чего так долго добивался, что считал смыслом усилий – достаток, стабильность. Казалось, теперь бы только и жить – спокойно и счастливо. Просто жить. Но в душе нет-нет, да и появляется смутная маята. Когда хочется чего-то еще, а чего – понять не может. Наверное, молодости?

Порой Петр Иванович даже сожалеет, что все интересное у него уже было.

С работой ему явно повезло – солидная должность, уважение сотрудников, неплохой заработок. В семье порядок. Выросли дети, уже студенты, скоро вылетят из родного гнезда. И с женой ему хорошо и спокойно. Правда, прежние пылкие чувства уже остыли, переросли в теплые, доверительные отношения. Мария Федоровна давно уже не работает, отличная хозяйка, в доме уютно, чисто, тепло, и как-то вкусно.

Мария Федоровна все еще приятна собой. Всегда ухожена. Отменный друг – на нее можно положиться.

Много пережили всякого, не раз возникали трудные, порой отчаянные обстоятельства. Вместе выдержали все. Всегда рядом.

* * *

Той весной Петр Иванович отдыхал с женой в Чехии, в Карловых Варах. Туда любила ездить Мария Федоровна – на лечебные воды.

Остановились в небольшом уютном отеле, недалеко от Колоннады с минеральными источниками.

Петр Иванович лечиться не любил и не видел смысла в процедурах. Считал, что за три недели курортного лечения здоровья не прибавить, предпочитал заниматься тем, что приятно ему самому. Отказался от ванн и массажей, много

гулял. В окрестностях городка было немало интересных пешеходных троп. Привлекала тишина, чистый воздух. Отдыхал от душной и шумной Москвы.

Быстрая, пружинистая ходьба была ему по душе. Ощущал прилив новых сил, бодрости, чувствовал себя снова молодым, энергичным. В душе начинало звучать что-то звонкое, напевное и одновременно маршевое.

То, что пелось в молодости. После таких прогулок Петр Иванович пребывал в отличном настроении, ел с аппетитом и прекрасно спал.

Любителей ходьбы по окрестностям было немало. На своем маршруте его внимание привлекла молодая девушка. Стройная и тонкая, с непослушными, развевающимися волосами, она всегда оказывалась впереди него. Обгоняла легко и быстро. Один только миг – и ее изящная фигурка в белой длинной юбке, с рвущимся на ветру воздушным шарфом, легко взлетала вверх. А еще через мгновение вся эта красота скрывалась за поворотом. Эта юбка и этот шарф выделяли девушку из общей полуспортивной джинсовой массы. Необычная романтика сквозила в ее облике. «Очень интересная девица. Не иначе, художница», отметил про себя Петр Иванович, – «А как она юна, как легка!».

В очередной раз, обгоняя его, она оглянулась. Он перехватил ее лукавый пристальный взгляд и теплую улыбку. Улыбался:

– Бон Жур, месье!

И ее смех, звенящий колокольчиками. Она тут же исчезла за горой, поросшей кустарником. Петр Иванович приятно удивился вниманию этой молодой и красивой особы. Только стар он для этих игр!

Вечером опять увидел ее, у Колоннады с источниками. Пока она пила воду, ему захотелось лучше рассмотреть незнакомку. Молода, порывиста, миловидна. Раскована и уверена в себе. Держится свободно, не обращая внимания на окружающих. Словно весь мир принадлежит ей одной. Темные, с веселым прищуром, глаза. Непокорные, черные волосы. Длинный легкий шарф свисает поверх длинной белой юбки. «Выглядит парижанкой», – подумал Петр Иванович. Он встречал таких во время своих командировок во Францию.

К девушке подошел молодой мужчина, легко обнял ее, что то сказал, поправил ей пряди волос. Она поцеловала его.

«Похоже, она тут не одна», – отметил Петр Иванович.

Молодые люди, оживленно разговаривая, направились к центру города. Петру Ивановичу отчего-то стало скучно.

– Петя, ты опоздал на четверть века, – с доброй улыбкой заметила жена, наблюдавшая за ним. Он досадливо усмехнулся:

– О чем ты?

Прогулки по окрестностям курорта продолжались. Маршрут их менялся лишь время от времени. В лесу Петр Иванович ориентировался по навигатору. Но однажды забыл его

в отеле, и в переплетениях тропинок – запутался. «Надо же, заблудился», – удивился он.

Времени до обеда оставалось в обрез. Вокруг никого. Нужная тропа никак не находилась. Остановился, растерянно глядя по сторонам.

Вдруг позади себя услышал знакомый смех. От неожиданности вздрогнул, оглянулся. Сзади стояла та самая девушка. Обрадовался, сказал ей, немного растерявшись:

– Я заблудился, как выбраться отсюда поскорее?

Она снова засмеялась и показала на одну из тропинок. Дальше пошли вместе. – Жозефина, – представилась она ему. – Живу в Париже. Здесь мы с братом.

Петр Иванович оказался прав в своем предположении. Она действительно была парижанкой. И внутренне, про себя, улыбнулся, и представился:

– Петр. Из Москвы.

Разговор вели по-французски. Он хорошо знал этот язык и был рад, что они понимают друг друга.

– Нет. Вы – Пьер. Так – правильно.

Опять он услышал звенящий колокольчик.

«До чего ж она смешлива и эмоциональна», – с любопытством посмотрел на нее Петр Иванович.

Девушка быстро вывела его к тропинке, ведущей к началу маршрута. Вот и знакомая улица, а совсем недалеко – его отель. К обеду успел, хотя жена уже начинала волноваться.

Заснуть в эту ночь долго не мог. Вспоминалась Жозефи-

на, ее голос, смех, тонкие запястья, легкие браслеты на них. Чем-то она его заинтересовала. Пожалуй, даже взволновала. Петр Иванович отчаявшись заснуть, встал, подошел к окну. Опустился туман. Тускло светили уличные фонари. Неожиданно в сознании всплыло, словно высветилось, событие далекой юности, казалось, давно исчезнувшее в недрах памяти. Ему было лет 12—13. К матери, дававшей уроки музыки, пришла новая ученица. Он открыл ей дверь и задохнулся от восторга. Перед ним было что-то легкое, воздушное, неземное. Сказочное. Остолбенел. Только растерянно смотрел на девочку. Заметив это, она весело рассмеялась – звонко и тонко, будто прозвенел хрустальный колокольчик. Он молча показал ей рукой на дверь, где была мать, ушел в свою комнату и долго не мог прийти в себя. Испытал необычное ощущение восторга и счастья, захватившее его целиком.

Эта девочка больше не приходила к ним. Какое-то время он ждал ее появления. Спросить у матери – стеснялся. Постепенно, со временем, воспоминания об этом стерлись из памяти.

И вот теперь, уже на склоне лет, он увидел в Жозефине ту самую сказочную девочку из далекого детства.

Через несколько дней они встретились снова, у самого начала тропы, петляющей и уходящей далеко вверх. Пошли вместе. Разговорились.

– Мне здесь очень нравится. Тихо так. Красиво, свежий воздух, высота и простор, – говорил Петр Иванович, помогая

ей взбираться по тропе, круто уходящей вверх.

– Я тоже очарована этой красотой. Я ведь художница, – сказала она и улыбнулась. – Здесь у меня родилось много новых идей. Повезу в Париж чемодан набросков.

Посмотрела на него, ожидая ответа.

Петр Иванович признался, что равнодушен к живописи. Часто бывает в Париже, в командировках. Конечно, был и в Лувре, но там – столпотворение, от которого только устал. Стыдно признаться, но «Мадонна» не произвела на него впечатления, хотя в живописи предпочитает реализм. В других галереях побывать не удалось – не хватало свободного времени.

– Я могла бы познакомить вас с современной живописью. По крайней мере, с той, что мне близка. Раз вы бываете в Париже – звоните, – предложила она. И протянула визитку.

Ее поведение покорило Петра Ивановича своей естественностью и легкостью в общении.

Они гуляли вместе еще не раз. Петр Иванович узнал от нее много нового. Услышал неизвестные ему до того имена западных художников – их творчество было ему совсем не знакомо. С удовольствием слушал живую, эмоциональную, очень выразительную речь, смотрел в ее горящие, одухотворенные глаза.

Жозефина рассказывала ему и о себе. У нее мать и брат, которые не поддерживают ее увлечение живописью – это не та профессия, которая кормит, в Париже ведь много сво-

бодных художников.

– Но я держусь!

Она весело засмеялась. Много говорила о своей любимой канарейке – ее подарили друзья. Очень привязалась к ней, птичка радовалась ее приходу, приветствовала ее. Неожиданно умерла от какой-то болезни. На лице Жозефины появилась тихая грусть, по-своему украсившая ее.

Интерес был взаимным. Петр Иванович чувствовал, что и ей любопытны его рассказы о Москве, впечатления о путешествиях. Она охотно отвечала и на его вопросы.

Петр Иванович наслаждался общением с этой удивительной девушкой.

Со временем стал чувствовать, что не только он, но и Жозефина ждет этих встреч, тянется к нему и с неохотой расстается, когда приходит время возвращаться в отель.

Он встревожился. «Зачем? Зачем мне это?»

Исчез его хороший сон. Подолгу не мог заснуть, перебирал в памяти их встречи, прогулки, разговоры. С ним явно что-то происходило. Он словно проснулся. Ожил. В голове крутилась цитата из любимого в молодости Тагора – «и раскрылся весь мир перед ним, как огромный красивый цветок».

В ней ему нравилось все. Темные смеющиеся глаза, легкая походка, жесты, манера одеваться, аромат терпких духов. Все влекло, все манило. Так хотелось к ней прикоснуться. И так боялся этого внезапно вспыхнувшего желания.

Порой ловил на себе ее особенно внимательный, даже, испытующий взгляд. Взгляд, в котором сквозило что-то обволакивающее и нежное. Бархатное и призывное. Казалось, она ждет от него каких-то важных слов, жестов, даже действий и недоумевает, почему он так нерешителен.

Чувствовал, что возникла какая-то нить, соединяющая их. Она, эта нить – такая тонкая, такая хрупкая, что может оборваться в любой момент, от неосторожного слова, движения, взгляда. От любого дуновения. Был деликатен, событий не торопил.

В который раз задавал себе один и тот же вопрос – «почему она выбрала его? Зачем? Вправе ли он, в его возрасте, поддаваться своим чувствам? Что он может дать ей? И нужно ли это ему? Ведь у него прекрасная жена, взрослые дети».

Петр Иванович был настолько охвачен вдруг нахлынувшими на него острыми ощущениями, что стал опасаться, что его настроение заметит жена. Но та была целиком занята своим лечением, и он успокоился. А муки совести его особенно не терзали. В конце – концов, это невинное приключение, ничего особенного.

Свои чувства к Жозефине Петр Иванович старался не проявлять. Общения с ней ему было достаточно. Приятно было ощущать себя помолодевшим и интересным для юной женщины. Вернулись давно забытые ощущения полета, восторга, ожидания неведомой радости.

Находился во власти новых переживаний. «Влюбился, как

мальчишка. Старый дурак. Ну, а дальше-то что?»

Пришел день, когда Жози, так он теперь ее называл, расставаясь с ним, неожиданно сказала, что на завтра улетает. Кокетливо прищурилась: «До встречи, Пьер, жду вас в Париже».

Когда она улетела, ощутил в душе пустоту. Пропал интерес к прогулкам. Валялся в номере, шурша газетами, читать которые не хотелось. Думал только о Жозефине.

Понимал всю бесперспективность развития возникших романтических отношений. Мириться с этим не хотелось. Не хотелось расставаться с такой красивой сказкой. Считал, что жизнь, подарив ему встречу с Жозефиной, обошлась с ним слишком сурово и несправедливо. Поманила, растревожила. Лишила покоя. А ему это надо?

Вспоминая встречи с ней, жалел, что не решился хотя бы обнять ее, поцеловать. Спрашивал себя: боялся получить отказ и потерять ее? Или элементарно трусил, оберегая себя от возможных осложнений?

За всю свою жизнь Петр Иванович никогда не изменял жене. Хотя он любил компании, общество женщин, ему нравилось их внимание к нему. Поговорить, даже немного пофлиртовать он любил. Но реальная измена жене всегда представлялась ему чем-то не столько безнравственным, сколько физически нечистоплотным, гадким и отвратительным.

В Москву Петр Иванович возвращался загоревшим, похudevшим, внешне даже помолодевшим. Душа же была измо-

тана бессонницей и мыслями о ней. О Жозефине.

* * *

Шло время. В рабочей суете, бытовых хлопотах острота воспоминаний о приключении в Карловых Варах постепенно таяла, теряла свою силу. Постепенно успокоился. Пришел к выводу, что поступал правильно.

Стал больше, чем обычно, уделять внимание жене.

А Мария Федоровна, забыв про болячки, похорошела. Говорила мужу, радостно вздыхая:

– У нас словно вторая молодость. Как прежде!

Петр Иванович, действительно, не мыслил жизни без жены. Она нужна была ему, как воздух. И в то же время не мог понять, как ему лучше – когда в его мыслях присутствует Жозефина, или когда ее нет у него в голове.

* * *

И вот теперь, через три месяца – очередная командировка в Париж. Неожиданно снова забило сердце. Словно и не было этих месяцев относительного душевного покоя. Оказалось, что его Жози лишь на время спрятана за семью печатями. Опять дразнит его своей молодостью и очарованием.

Он разыскал ее визитку с адресом, спрятанную в рабочем столе.

Жизнь сразу преобразилась, наполнилась радужными ожиданиями. Страхи и сомнения куда-то пропали. Уверен, что в Париже они обязательно встретятся. Только вдруг он ошибается? Вдруг она давно забыла его?

Воздух Парижа показался ему тягостно удушливым. Природа будто замерла в ожидании осенней свежести. В парках и аллеях клены уже роняли желто-багряные резные листья. Только цветы радовали глаз полетнему сочными и яркими красками.

Сразу по прибытии, еще в аэропорту, набрал номер Жо-зи. Автоответчик сухо сообщил, что мадмуазель нет дома. Оставлять сообщение Петр Иванович не захотел.

Вечером, устроившись в отеле, позвонил снова. Результат тот же. Удрученный, он долго глядел в окно на сверкающий огнями Париж. Почему-то был уверен, что она с мужчиной. Переживал, досадливо вздыхал. Тут же спрашивал себя – зачем он ей? У нее молодых – на каждом шагу. Вздыхал – откуда они берутся, эти годы?

Звонок от нее раздался очень поздно, уже за полночь. Несколько секунд молчания и – знакомый голос, торопливая речь:

– Конечно, помню. Карловы Вары. Неужели Пьер?

По ее интонации почувствовал, что звонку рада.

Она сразу же спросила:

– Когда мы сможем увидеться? Спросила просто, не скрывая своего интереса. У Петра Ивановича выросли крылья.

– Ты обещала познакомить меня с современной живописью, – спросил он, не узнавая своего голоса.

– Я готова, – с радостью сообщила она.

Договорились, что встретятся у Центра современного искусства имени Помпиду, у фонтана Стравинского.

Петр Иванович ждал Жозефину с розой в руке. Она увидела его первой.

– Пьер, Пьер! – кричала она еще издалека, протягивая к нему руки.

Тоненькая, словно подросток. Блестящие темные глаза заполняли все ее лицо.

Как она была похожа на ту девочку из сказки, что потрясла его воображение еще в юности! Его охватило такое же, как и тогда, ощущение восторга и счастья.

Радость Жози была так нескрываема, так непосредственна и естественна. Сердце Петра Ивановича сжалось в предчувствии счастья. Или беды? Жозефина была одета в прищущем ей стиле, но теперь – в цветах осени: длинная коричневая юбка, широкий золотящийся шарф, который обвевал ее хрупкую фигуру. Завершала наряд шляпка – маленькая, бутылочного цвета, восхитительно идущая ее лицу. «Как же она хороша» – в который раз подумал он. «И так рада встрече. Неужели не ошибся?».

Приветственное объятие, короткий поцелуй. Она что-то быстро, порывисто говорила, глядя ему прямо в глаза, смеялась звонким колокольчиком. Он в смятении почти не слы-

шал ее, только глядел на нее. И не мог оторвать взгляд. «Как обворожительна и прекрасна. Удивительно!»

Вдруг пришло ощущение, что простой эта встреча не будет.

Жозефина с удовольствием исполняла роль гида. Она водила его по этажам музея, показывала полотна Шагала, Матисса. Кандинского. Ее восхищал символический подтекст картин, скрытый в них смысл. Она говорила, не умолкая.

Но его привлекали не шедевры искусства. Петру Ивановичу хотелось быть просто вместе с Жозефиной. И говорить не о художниках – о другом.

– Тебе не может не нравиться Шагал. Посмотри, как он, своеобразен, интересен в выражении чувства. И правдив. Любовь у него действительно возвышенна. Посмотри, как летит эта женщина в синем небе, – увлеченно говорила она, показывая на влюбленных, парящих над облаками.

– Это экспрессионизм. Удивительное направление. Правдивое. Все происходящее вокруг, мы пропускаем через наши души, а душа задерживает ведь не все. Только самое главное. Только суть. Голую правду чувств. Без лишних красот, как, скажем, у импрессионистов. Они глубину чувства прячут за внешним впечатлением.

Она говорила это, совсем по-детски дергая его за одежду. Старалась привлечь к себе внимание. В его глазах ей хотелось увидеть отклик и понимание.

«Какие мы все разные, и как по-разному воспринимаем

этот мир. Ведь и на самом деле, то, что мы видим, очень субъективно» – подумал Петр Иванович.

Идея и смысл этого направления в живописи стали понятны ему. Но душа категорически отказывалась принимать эти картины. Этих уродливых женщин.

– Неужели наша сущность так безобразна? – спросил он Жози.

– Я хочу наслаждаться женской красотой. Например, красотой той девушки, которая стоит сейчас передо мной.

Она слегка покраснела.

– Пьер, не надо так конкретно. В этих картинах не натура, в них – философия жизни. Художник стремится раскрыть ее суть. Не приукрашивая. Здесь главное не тело, а смысл существования.

Она со страстью, живо жестикулируя, старалась доказать ему, что он не прав, что экспрессионизм действительно глубок и совершенен.

– Жози, – мягко перебил он ее. Он и не заметил, что называл ее так ласково.

– Я уважаю твое мнение. Возможно, даже наверняка, ты права тысячу раз. Но правда реализма мне все же ближе и понятнее.

Они вышли из музея на площадь, обогнули уличных фокусников, и большую толпу людей, наблюдавших за аттракционом.

Теплый осенний вечер был обворожителен. Духоту вы-

теснила вечерняя прохлада. Погода явно благословляла их встречу. Несмотря на возникший спор и разногласия во взглядах на искусство, радостное чувство от встречи не покидало их.

– Я проголодалась. Мне хочется показать тебе самый старый ресторан Парижа, – сказала Жозефина. – Это почти рядом, – и потянула его за руку.

– Отлично, – согласился он.

– Этот ресторан в центре, у метро Одеон, называется LeProsop.

Добрались туда довольно быстро.

– Мадам? Месье?, – официант, услужливо склонив голову, проводил их к свободному столику, подал меню.

– Я закажу на свой вкус. Не возражаешь?, – и, обращаясь к почтительно застывшему официанту, произнесла: – Заячье фрикасе с сидром, красное Бордо, а на десерт – мороженое.

– Ты любишь мороженое?, – спросила Жозефина. – Если нет, съем и твою порцию, – пошутила она.

– Знаешь, – продолжала Жозефина, – здесь обедали великие люди Франции – Вольтер, Мюрат, а лейтенант Наполеон оставил в залог свою шляпу. Он был тогда без гроша в кармане.

В полумраке ресторана звучала музыка. Слышался задумчивый голос Ива Монтана.

– Я люблю эту песню, – заметил Петр Иванович.

– Опавшие листья?, – переспросила Жози, и продолжи-

ла: – А мне больше нравится, как поет Мирей Матье. По-женски трогательно, и очень пронзительно.

Они ели очень вкусное, затейливо приготовленное фри-касе. Маленькими глотками отпивали красное вино, стремясь продлить удовольствие. Тихо перекидывались словами. Улыбались.

– Я часто вспоминала наши прогулки, разговоры. Ждала твоего приезда. Правда. Сказав это, она вдруг смутилась, поправила тонкой рукой прическу.

– Я тоже рад, что опять вижу тебя.

Он смотрел в ее глаза. В них причудливо мелькали отблески горящей свечи.

Они молчали, прислушиваясь к себе. И оба ощущали тревожащую жажду близости друг друга.

Напряженное внутреннее ожидание нарастало.

Опять зазвучала знакомая мелодия.

– Хочу танцевать. Она прижалась к нему. Петр Иванович остро ощутил терпкий запах ее духов, ее жаркое, такое желанное тело.

Ужин закончился. – Все так вкусно, – он похвалил ее выбор – и блюд, и вина.

Говорить не хотелось. Слова казались лишними, пустыми. Им так хотелось остаться наедине.

– Пьер, пойдем ко мне. Я живу одна.

Он ждал этих слов. И так боялся этого!

– Все, мне конец!, – мелькнуло в голове.

Через полчаса Жозефина открывала дверь своей квартиры.

Они посмотрели друг на друга. А потом порыв бешеной страсти бросил их в тесные объятия. Он и не предполагал, что способен на такой взрыв эмоций, и на такую нежность. Что он может быть таким. Что такое вообще возможно.

Счастье переполняло его.

Они были счастливы оба!

Теперь, когда они стали близки по-настоящему, они говорили, говорили, и не могли наговориться.

Им хотелось знать все друг о друге. Все, что было в их жизни до встречи.

– Почему ты выбрала меня?, – задал он так долго мучивший его вопрос.

– Потому, что любовь не спрашивает.

Она помолчала, задумалась.

И неожиданно заметила:

– А может, разочаровалась в молодых.

Задумалась Ее взгляд ушел куда-то вглубь себя. В это мгновение она была далека от него.

Перед ее глазами стояло перекошенное злостью лицо Жюльена, Чувственное и порочное. Они были вместе уже несколько месяцев, когда он неожиданно привел незнакомую девушку и пытался уложить ее к ним в постель, считая, что в этом нет ничего особенного. Любовь исчезла сразу. Жозефине он стал противен. А он разозлился, кричал,

что она дура, отказывается от удовольствия любви втроем.

Вздохнула протяжно. Она не хотела больше ошибаться. Ей так нужна была любовь сильного, уверенного в себе, порядочного человека.

По ее молчанию, по тому, как она тяжело вздохнула, Петр Иванович понял, что у нее до него был неудачный роман.

Квартирка у Жозефины была маленькой, чистой, скорее строгой. Ничего лишнего. Никаких картин. Живые цветы, книги.

– А где же ты рисуешь? – удивился Петр Иванович. Жозефина пообещала показать ему студию, которую снимала вместе с подругой. Сказала, что художник должен отдыхать от самого себя.

Вышла приготовить кофе.

На столе лежали альбомы по искусству.

Петр Иванович потянулся к одному из них.

Пикассо.

Захотелось посмотреть, почувствовать, что было таким близким для Жози.

– Мне нравится Пикассо. Особенно эта картина, – сказала Жози, когда увидела, на чем задержался взгляд Петра Ивановича. – Называется «Жизнь».

Она задумчиво продолжила:

– Жить так непросто. Страдания – от рождения до самой смерти. Смотри, как здесь мужчина оберегает свою любимую от старости и смерти. И как он прекрасен. Искусстве-

ды все спорят об этой картине. А мне так все понятно....

Она склонилась к нему. Замолчала.

– Я хочу, чтобы и ты меня защищал. Оберегал. Теперь я не одна. У меня есть ты.

Он ощутил в себе нежность отца. Понял, как она одинока и как он нужен ей. Он должен защитить ее.

Встретил ее проникновенный взгляд. Обнял, прижал к себе.

* * *

Командировка кончалась.

Петр Иванович познал всю боль и трагедию мужчин, имеющих помимо семьи и любимую женщину. Жена нужна ему, как воздух. А Жози ввергала его в шквал новых чувств, без которых теперь он уже не смог бы жить.

Расставание было тяжелым. Жозефина плакала, по-детски тянула к нему руки. Петр Иванович успокаивал ее, говорил ласковые слова, просил верить ему. Он обязательно найдет возможность встречаться – снова и снова. Они будут счастливы.

Петр Иванович едва успел к регистрации на свой рейс. Впереди Москва, семья, жена. Как он будет смотреть ей в глаза? Вдруг что-то заметит? Догадается? Он не хотел тревожить Марию Федоровну, причинять ей боль. «Придется врать».

Двойственность положения угнетала. Но ни минуты не пожалел о том, что произошло с ним в Париже.

Представлял, какой пресной была бы его жизнь, не появись в ней Жозефина. Возвращаться в ту жизнь он уже не хотел.

После парижской командировки Петр Иванович изменился. Похудел, движения стали живыми, порывистыми, глаза лучились. Стал регулярно посещать тренажерный зал, не ленился. Даже устроился на подработку в соседний отдел, с удовольствием занимался там делами, которыми раньше пренебрегал, считал их противными и скучными.

С Жозефиной общался часто. Они звонили друг другу, писали, виделись по скайпу – у него на работе. В Париж он вырывался каждые три месяца. Задышался от любви и жалости, расставаясь с ней.

Но ни разу у него не возникла мысль оставить семью! Ни разу.

А Мария Федоровна, заметив несвойственное мужу нетерпение, волнение перед командировкой в Париж, придирчивое разглядывание себя в зеркале, почувствовала, что он изменился, отдаляется от нее. Призадумалась. Память услужливо подсказала некоторые детали его поведения. Другая женщина? Встревожилась. Потом заставила себя не думать об этом. Ревность на склоне лет – унижительна. Она знала, что Петя верен был ей всю супружескую жизнь. Он слишком привязан к ней, к семье, к детям. Серьезен и благороден.

ден. Вспомнила, как не раз с брезгливостью и презрением делился с ней о коллегах, позволявших себе связи на стороне. Но сомнение зацепило за душу, ранило, и давало знать о себе обмиранием сердца, повышением давления. Эта заноза жила теперь в ней. Мария Федоровна внутри вся сжалась, но вида не подавала.

* * *

Весной Жозефина неожиданно сама прилетела в Москву. Встретились в отеле. Она показалась ему изменившейся, необычно молчаливой. Что-то беспокоило ее. Не было прежнего восторга, смеха, трепета, не зажигалась от его поцелуев.

– Я приехала решить с тобой вопрос моей жизни, – тихо сказала она. От нетерпения и пугающей неизвестности он едва не уронил вазу, куда ставил розы.

– Я беременна. Хочу оставить ребенка, как память о тебе. Мы не сможем быть вместе долго. Рано или поздно о нашей связи узнает твоя жена, будет конфликт и нам придется расстаться.

Чуть не плача, она продолжала: – Мне будет легче, если ребенок будет желанным и для тебя. Ты согласен?

Она внимательно посмотрела на него. И добавила: – На большее я не претендую, ты же знаешь.

Он растерянно молчал.

В нем боролись радость и страх за нее, ответственность

за ребенка, за их судьбу.

Твердо сказал: – Я хочу его. Буду помогать тебе во всем. Я счастлив иметь от тебя малыша, и не оставлю вас.

Жозефина бросилась ему в объятия, заплакала от радости. Их жизнь и любовь приобрели теперь другие оттенки, другое звучание и смысл. Это были дни, наполненные любовью.

Когда он получил известие о рождении сына, долго сидел не двигаясь, в радостном оцепенении.

У его Жози – сын! Его сын! Он вновь стал отцом. В его-то годы!

* * *

Теперь – все по-новому.

На фирме сложнее организовывать командировки в Париж, но он преодолевает препятствия, хотя это непросто. Удивляется – насколько изощренным может стать человек, попавший в любовные сети. Ему сопутствует удача.

Когда в очередной раз он оказывается в Париже, дверь ему открывает мать Жозефины – седая, худошавая, элегантного вида француженка, заметно старше его. Он уже был знаком с ней – познакомились в один из его прежних приездов. Судя по всему, она не противится их связи. Жозефина была занята.

И вот Петр Иванович слышит милый его сердцу голос,

и в который раз думает о счастливой страсти, которой жизнь одарила его в его возрасте. Он не верит в случайности. «Зачем-то судьбе было нужно все это»

Перед ним – прежняя Жози, но теперь, с младенцем на руках, она выглядит, как мадонна.

– Я решила назвать его Жан-Пьером, – сказала так, как будто они расстались вчера. – В честь тебя, – добавила она.

Он протянул ей изящное кольцо. Это его первый дорогой подарок. Ему всегда хотелось порадовать ее, но прежде он боялся оскорбить ее этим. Разве могут быть подарки за любовь? Теперь же перед ним не просто любимая женщина, а мать его сына.

Всю эту неделю в Париже он чувствует себя совершенно счастливым человеком. Забыл обо всем на свете, Когда Жан-Пьер попискивает, он берет его на руки, прижимает к себе этот беззащитный комочек. Вскакивает по ночам. Помогает купать его. Он даст ему все, что в его силах.

Они купили коляску, детскую кроватку и много других мелочей. Ему нравится чувствовать себя главой семьи, за которую был в ответе. Придется содержать их, заботиться о них.

Жозефина продолжает рисовать своих уродливых женщин, которые, как ни странно, иногда покупаются. Она живет на эти деньги, ей их хватало, когда была одна.

Теперь, когда у нее Жан-Пьер, придется писать что-то другое, что будет иметь спрос.

Их отношения сейчас более глубокие и ответственные. У них теперь сын. И свою любовь они делят между собой и им.

Они по прежнему находят возможность как можно чаще встречаться – то в Париже, то в Москве. Самолеты стали частью их жизни. Видятся каждые два-три месяца, знают подробно о жизни друг друга, жизни сына.

* * *

Мария Федоровна уже не сомневалась. Была почти уверена, что у него есть другая женщина. И это – не просто связь, не просто увлечение. Она боялась думать об этом, об опасности угрожающей их браку. Молчала. Как то смирилась. Надеялась на его порядочность. Чувствовала, как трудно ему самому.

Дитя любви, Жан-Пьер рос здоровеньким и очень забавным.

После года он стал узнавать отца. Жози постаралась, чтобы к его очередному приезду, он стал говорить «папа».

Когда Петр Иванович увидел сына, топающего к нему со словами «Папа, хочу...», волна нежности затопила его.

Жози оставалась для него желанной и любимой женщиной. Всегда новой и интересной.

Мария Федоровна ничем не докучала ему, занималась своими делами. Он уверен, что она и не догадывается о су-

ществовании у него другой семьи. Настолько захвачен происходившим с ним, что о будущем, да и о Марии Федоровне просто не думалось.

* * *

В один из его приездов в Париж им удалось выбраться в Норвегию. Жози очень хотела посетить там музей Мунка, увидеть в подлинниках картины этого великого экспрессиониста. В Осло, в его доме-музее, были вновь выставлены его «Крик» и «Мадонна», знаменитые полотна, возвращенные в музей после кражи и отреставрированные.

Его особенно поразило «Крик». Он долго стоял перед этой небольшой картиной.

Жози рассказала, как она была написана. Однажды художник гулял с друзьями. Неожиданно вечернее небо стало кроваво-красным, казалось, всюду полыхают языки пламени. Мунка охватил ужас. Он тотчас оставил друзей, бросился домой и там сразу же взялся за кисть. Кардине вначале дал название «Крик природы».

Петра Ивановича поразили искаженное ужасом лицо, громадный рот, наполненные страхом глаза. Вдруг ощутил в себе необъяснимую тревогу, заполнившую его целиком, без остатка.

А Жози продолжала:

– Считают, что картина эта отражает не крик природы,

и не тревогу самого Мунка, а ужас всего человечества. И это похоже на правду. Действительно, на полотне – знамение нашего кровавого века.

В душе у Петра Ивановича поселилось чувство необъяснимой тревоги и ужаса, не за человечество, а за него самого. Наваждение исчезло. Он вдруг словно бы очнулся от сна, и впервые задумался, что ждет их впереди – его, Жози, Жан-Пьера. Эта поездка в Осло, посещение музея, картины Мунка, словно высветили для него их будущее, такое неизвестное, призрачное, хрупкое. Все может оборваться и рухнуть, в один момент.

Жози почувствовала, какое сильное впечатление произвели на него полотна Мунка, и была довольна, что он разделяет ее интерес к экспрессионизму. А Петра Ивановича не покидали тревожные мысли о будущем. Ведь он стареет. Сможет ли вырастить Жана, защитить от бед и несчастий свою любимую женщину? Что ждет их, если с ним что-то случится? А как Мария Федоровна?

* * *

Жан-Пьеру – три года. Эту дату решили отметить приездом Жози в Москву. Он заказал ей гостиничный номер в центре города. Ее любимыми конфетами выложил на покрывале кровати: «Я тебя люблю». Накупил роз. На вечер – билеты в театр.

Петр Иванович, подъезжая к аэропорту Домодедово, находился в радостном предвкушении встречи. Уже знал, что ее самолет благополучно совершил посадку.

И вдруг, выходя из машины, неожиданно столкнулся с оцеплением. Бросилось в глаза, что вокруг много милиции, скорой помощи.

В здание аэропорта никого не пускают. Что—то случилось!..

Тревожно забилося сердце в предчувствии беды. Объяснений никто не дает. Слышатся предположения – одно страшнее другого.

Лишь через полчаса по громкой связи сообщили, что в зале прилета – теракт. Есть погибшие и раненые.

Мобильный телефон Жозефины упорно молчал. Петр Иванович вдруг ощутил острую режущую боль в сердце. Не сдвинуться с места.

Когда чуть отпустило, перезвонил.

Телефон Жози по-прежнему молчит. В голове одна ужасная мысль: «Неужели она? Навсегда???»». Перед глазами всплыла картина Мунка, так поразившая его в Норвегии.

Он едва не кричал от боли, внутри металось и выло сердце. «Все. Конец! Не уберег, не защитил!»

Позже появилась первая информация о погибших. Он подошел к спискам, долго смотрел, перечитывал. Не сразу увидел фамилию Жози. Нет, ошибки не было. Стопудовая тяжесть раздавила его. Ничего не ощущал. Как робот, вернул-

ся в машину, долго сидел в ней без единой мысли в голове. Потом вдруг проскочило: «А как же Жан? Его сын?». И тут он зарыдал. Так, как плачут мужчины от безысходности и отчаяния.

Только под утро вернулся домой. Прошел, не раздеваясь, в гостиную. Сел в кресло. Тупая боль в сердце не проходила.

Встревоженная жена, прождавшая его всю ночь, увидела почерневшее, постаревшее лицо Петра Ивановича.

– Что случилось? Почему не позвонил? Я так волновалась! Она ждала ответа.

Петр Иванович молчал.

Поняла, что ему очень плохо.

– Слава Богу, что живой. Сейчас примешь ванну, станет легче, – заботливо говорила она, пытаясь помочь ему. Было слышно, как с шумом полилась вода.

Из его головы не выходило: «А ее нет!».

Мария Федоровна молча вернулась в гостиную. Поняла: произошла какая-то трагедия. Расстался с любовницей? Спасительная мысль озарила ее.

Он, по-прежнему одетый, сидел в кресле.

– Петя, да что же случилось? – взволнованно спросила еще раз, и не сразу узнала его хриплый голос.

– Сегодня в Домодедово был теракт.

– Да, я слышала в новостях. Это ужасно.

Она внимательно смотрела на него.

Слышно было, как ванна наполняется водой.

Тоскливое: «А ее уже нет!» не выходило из головы.

– Погибло много людей.

Жена напряженно ждала продолжения.

И, как гром среди ясного неба: – Среди погибших мать моего сына.

Как!!!

Она охнула, закрыла лицо руками, молча ушла в свою комнату.

Там было тихо. Эта тишина нескончаемо давила на него, но он не смел зайти к жене. Ушел в кабинет, где, не раздеваясь и не двигаясь, просидел несколько часов.

Ванна давно наполнилась. Хорошо, что сын, припозднившийся со свидания, успел закрыть кран. Заметил про себя – «Стареют родители!», ушел к себе.

В кабинет вошла жена, и осипшим голосом, не глядя ему в глаза, спросила: – Сколько же лет твоему сыну?

– Три.

Она вспомнила ту девушку в белом у Колоннады в Карловых Варах.

Так это она!.. А вслух спросила: – У него есть другой отец?

– Нет. Я у него один. Мой сын-француз.

Больное сердце Марии Федоровны ухнуло в пятки, забило мелкой дрожью. Остановилось. В этот миг она хотела умереть, чтобы не страдать так. Потом почувствовала, как кровь начала медленно и тяжело ударяться в сердце. «Надо жить» – решила она.

Обида сдавила горло, душила. Но потом появилось чувство жалости к нему и сострадания. «Надо помочь, успокоить».

Ее молчание отдавалось пронзающей болью в его груди. Он ждал приговора.

– И ты хотел бы... – он услышал ее удушливый шепот.

Она не успела договорить. Он прервал ее тихим, но твердо, прозвучавшим голосом.

– Да, очень... Если только сможешь простить меня.

Мария Федоровна тяжело вздохнула. Слез не было. Немигающим взгляд устремлен в пол. Еще больше вжалась в кресло. Тело срослось с ним. Ее как бы не существовало.

В голове пронеслось: он же ее любил. Она помнит, знает, как он любил ее – преданно и безоглядно.

В ее жизни с ним было так много хорошего, пережито так много тяжелого, связавшего их неразрывно и навсегда.

Беда, радость у них была всегда на двоих. Мария Федоровна не могла уничтожить эту любовь. Она любит его до сих пор. И должна разделить с ним его беду, его ношу. Да, это испытание. Но я должна найти силы принять его.

– Это мы решим вместе, – собравшись, тихо сказала она.

Петр Иванович услышал от жены, то, что очень ждал. На что надеялся.

Едва оправившись от постигшей утраты, он вылетел в Париж.

Там ему пришлось преодолеть много препятствий.

Он выдержал и это испытание. Представил суду веские доказательства своего отцовства.

Его признали отцом ребенка.

Мать Жозефины не возражала против приезда маленького Жан-Пьера в Москву. Возраст и здоровье не позволяли ей заниматься ребенком во Франции. Была уверена, что Петр Иванович с Жан-Пьером будут навещать ее.

Свой долг перед Жози он выполнил.

Когда в московском аэропорту приземлился самолет из Парижа, Петра Ивановича с Жан—Пьером встречала улыбающаяся, красивая женщина – его жена.

Мария Федоровна держала в руках большую игрушку. Мягкого, доброго мишку.

Ее большое, любящее сердце приняло Жан-Пьера.

Теперь она стала ему матерью.

Хозяйка судьбы

О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...

Сергей Есенин

В то раннее и хмурое мартовское утро меня пробудил резкий телефонный звонок. «Кто это в такую рань?» – с тревогой подумала я, и быстро, с еще закрытыми глазами, вскочила с постели в попытке поскорее нащупать мобильник на тумбочке. На месте его не оказалось. Пришлось открыть глаза, и окончательно проснуться.

В предрассветных сумерках часы показывали начало шестого. Что-то случилось. Испуг покрыл меня испариной. Мобильник не утихал. Доносившийся из него голос Джо Дассена звучал уже трагически. Я отчаянно продолжала шарить под кроватью. Мобильник оказался в кармане халата.

Звонила Валя, внучка моей соседки, что жила через стенку. Ее низкий, хрипловатый голос я узнала сразу.

– Умерла бабушка. Ночью. Мне только что позвонили из хосписа.

Я ощутила, как от телефона вдруг повеяло холодом.

– Срочно нужны деньги на кремацию, а у меня нет. Муж в командировке, вернется только через два дня.

На мои расспросы Валя уже с плохо скрываемым раздражением повторила, что деньги ей нужны именно сей-

час, и много, не меньше тридцати тысяч. Деньги немалые, но она почему-то считала, что я смогу дать ей их немедленно. Нетерпеливо ждала моего ответа.

Я растерялась. Остолбенела. Не сразу дошло, что наша соседка умерла, а Валя, ее внучка, просит деньги на похороны.

– Понимаете, у бабушки денег на книжке совсем не осталось. Мне пришлось даже добавлять, когда ее клали в хоспис, – уже спокойнее продолжала она.

– Как же, конечно, помогу, – ответила я. – А бабушкины деньги тебе должны вернуть, она ведь даже суток там не пробыла.

– Я подъеду к вам часа через два (Валя жила отдельно от бабушки). И прекратила разговор.

Я медленно присела на подвернувшийся стул. Понимала, что похороны – дело святое, не помочь – нельзя. Но в доме такой суммы не было. Прошли те времена, когда в подобных случаях деньгами помогали соседи. Но из прежних жильцов уж никого и не осталось. А новые – даже не здороваются. Все теперь друг другу чужие. Не соседи, а «рядом проживающие».

Придется ждать открытия Сбербанка.

Раздавленная неприятным известием, бессильно погрузилась в кресло. Меня потрясывало. Знала, что соседка обречена, и все равно известие о ее кончине было для меня неожиданным. Невольно нахлынули мысли о скоротечности и собственной жизни.

Долго сидела в кресле, уставившись перед собой. Душу наполняла опустошенность. Из другой комнаты, вышел, позевывая, заспанный сын, тоже разбуженный ранним звонком.

– Что случилось?

Я отмахнулась, – Иди, досыпай, еще рано совсем.

* * *

Нине Ивановне, моей соседке, было семьдесят пять. Но на бабушку она не походила. Работу оставила не так давно. И пенсионеркой была очень активной.

Худая, коротко стриженная – всегда очень живая и подвижная. Платья носила приталенные, предпочитала яркие тона. Походка упругая, быстрая. Хоть и маленький, но каблук, придавал ей особый шарм. Возраст выдавала только кожа, сухая, в мелких морщинах. Серое лицо, без намека на краску, походило на печеное яблоко. Неопределенного цвета глаза казались маленькими из-за нависающих, слегка отечных век.

Про таких говорят: сзади пионерка, спереди – пенсионерка.

Только взгляд ее – ясный, пронзительный, и чуть надменный – не был взглядом пенсионерки. Это был взгляд уверенной в себе женщины, горделивой, не нуждающейся ни в чьей поддержке и помощи, твердо шагающей по жизни.

При встречах на улице или в подъезде в разговоры вступала неохотно, чаще ограничивалось короткими фразами – «здравствуйте – до свидания». Горделивостью и определенной формальностью в общении, она, казалось, говорила: «Я занята. У меня все отлично, и я ни в ком не нуждаюсь».

Несмотря на долгие годы соседства, мы с ней почти не общались. Она жила своей жизнью и не слишком допускала в свой мир посторонних.

Изменилась Нина лишь год назад после смерти дочери, Марины. Что-то сломалось в ней. Одиночество мучило ее. Она потянулась ко мне.

– Не могу прийти в себя, – едва переступив порог, начала жаловаться, не скрывая слез. Проходила в кухню, где я занималась готовкой, и там жалась в угол, нервно теребя поясok старенького халата. Виновато повторяла: – Мешать не буду.

То и дело вздыхая, винила себя: – Дочка как чувствовала, что операцию не выдержит. Не надо было мне настаивать на операции. Опухоль-то вырезали, а умерла от осложнения, от тромбоза.

Нина плакала, вытирая набухшие красные веки марлевым комочком.

– Пожила бы еще. Есть же народные средства. Врачей послушалась. А теперь ее нет. Стоит у меня перед глазами, как живая, и печальная—печальная. Так жалко, солнце светит, люди разговаривают, а ее нет. Не могу в это поверить.

Нет сил.

Лицо у Нины сморщилось, совсем пожухло. Глаза скрылись за набухшими от слез красными веками.

Я терялась. Не знала, как ее утешить. Люди, они ведь по-разному переносят горе. Кто молчит, уходит в себя, кто плачет, идет к людям, чтобы облегчить душу. Горе согнуло ее. Нина явно нуждалась в понимании и сочувствии.

– Зря вы мучаете себя. То, что оперировали, сделали правильно. Надо всегда использовать шанс на жизнь. А то, что случилось, – это редкое осложнение. Без операции погибла бы, да еще страдала бы от болей, – я все старалась ее успокоить.

И тем вечером, сидя у меня на кухне, Нина впервые разоткровенничалась:

– Несчастливая она была у меня, – с грустью говорила она. – Я все работала, да подрабатывала. Хотела, чтобы у нее все было. Уставала очень.

Она опять горестно зарыдала:

– Ничего я о ней не знала. Так и выросла одна. Что думала, о чем мечтала? Ничего не знала. Посмотрю в дневник. Оценки хорошие, замечаний нет – значит все нормально... Так считала.

– Давайте чайку попьем. У меня и печенье готово, – говорила я, усаживая ее за стол. А Нина все горевала:

– Росла замкнутой, как и я. Все молчала. Как не приду с работы, она все с книжкой, да с книжкой. Не каждому но-

вому платью рада была. Только в техникуме, когда встретила своего будущего мужа, изменилась.

Нина придвинулась поближе к столу, потянулась за сахарницей.

– Люблю сладкое, – виновато глядя на меня, помешивала ложкой чай. Я молчала, понимала, что ей надо выговориться.

А воспоминания не отпускали ее.

– В техникуме-то что ни день, то новая прическа. Одеваться старалась красиво, повеселела, даже петь начала. Я тогда только и узнала, что дочь моя певунья.

Слезы опять покатались из ее глаз. Вытерла их халатом, и сказала жестко:

– А жених мне не понравился. Какой-то невзрачный, хлюпкий, непонятный. Глазки бегают. Отец у него – пьяница, у меня на стройке работал. А она – люблю, и все. И ничего не поделаешь. Не убедила. Она же, как и я – самостоятельная.

Нина вздохнула:

– Права я оказалась. После рождения Вали, внучки, муж ее стал ночами пропадать, а потом совсем ушел. Куда, неизвестно. Видно уехал, а мы особо и не искали. Вырастили внучку сами, и без алиментов, – горделиво сказала она.

– Марина тогда замкнулась, переживала, ходила как тень. Все молчала. Я так переживала за нее. Она долго на улицу не выходила, даже не гуляла с ребенком. Потом отошла, вышла на работу, но стала еще больше нелюдимою и одинокой.

Домоседка была. Меня очень любила. Старалась приодеть, все по каталогам выписывала.

Задумалась.

А потом спросила;

– А вы верите в судьбу?

И не дожидаясь ответа:

– Много передумала я. Может, оно что-то и есть такое, что на роду нам написано, но я не могу жить и ждать, куда меня что-то повернет. Я уверена, что человек сам должен строить свою судьбу. Я тоже, как Маринка, вышла замуж по любви. Но ушла от него – душевно больным оказался. Как в дурку попал, так и ушла. Запретила ему и дочь навещать. Правда, потом узнала, что женился, дети, машина у них.

Нина замолчала, потом с сожалением сказала:

– Может, поторопилась я тогда. Хороший человек был...

Но решила, значит так тому и быть. А я всю жизнь прокорежилась прорабом на стройке. Среди пьяни. Уставала. Но держала эту публику в узде, уважали и считались со мной. А что осталась одной – так не до любви мне было. А теперь вот и совсем одна, без Маринки.

Она опять заплакала.

А мне вспомнилось строки стихотворения Алексея Чикина:

Что такое судьба?

Суд ли Божий небес,

Или воля раба?

Путь земной или крест?

Чтобы отвлечь Нину от грустных мыслей, спросила:

– Я помню внучку вашу, Валю. Такая красивая, черноглазая, с распущенными волосами. Вежливая. Всегда здоровалась. Как она?

– Валя отдельно живет.

Нина грустно усмехнулась.

Сказала: – Замучила вас. Пойду к себе.

А дня через два рассказала и про внучку.

– Валя – наша радость и надежда. Жили для нее. Все для нее. Самое вкусенькое, самое питательное, только с рынка – ей. Первую ягодку – ей. Подросла, стали одевать красиво и модно. И сережечки, и колечки, и часики золотые. Денег не жалели. Я и на море ее возила, – с гордостью вспоминала Нина.

– Трудно было. На себе сэкономили. Очень Марина ее любила. Внучка пединститут окончила. Мы с дочерью радовались, скопили ей на однушку, подарили. И обстановку купили. Все как у людей, как надо.

– Да, много души вы в нее вложили. Не у каждой девушки своя квартира – сказала я, смолчав, что давно ее не видела.

– Валя, как переехала от нас, вскоре замуж вышла. Жених нам с Мариной понравился. Интеллигентный такой, и собой ничего, и спокойный, обходительный. Отец его развел-

ся с матерью, уехал в Америку, а мать снова вышла замуж. Внешне ничего особенного, а вот смогла.

Нина вдруг замолчала. Лицо ее отчего-то вытянулось, брови поднялись, открыв глаза.

Повторила: – Да, мать его смогла замуж выйти. Судьба... У нее и бизнес свой. Ресторанный. Обещала передать его молодым. Порадовались мы с Мариной тогда за внучку. Свадьбу у жениха сыграли, в материнском ресторане, все как положено. Сватья на себя все траты взяла. Красивой была Валя в невестах. Жить бы им, да добра наживать...

И продолжила:

– Не оправдала она наших надежд, – опять затеребила свой поясок. Чувствовалось плохо скрываемое раздражение и недовольство.

– Воспитывали, как надо. Чуть ли не по книгам. А она захотела сразу богатой стать. Считала, что муж в семейном бизнесе зарабатывает мало, по выручке, а выручка поначалу была небольшой. Валя тоже работала, в школе, а учителям, сами знаете, платят мало. А подождала бы чуть, стали бы на ноги.

Нина резко отодвинула чашку с недопитым чаем, поморщилась, словно наступила на больное.

– Нет, норов свой показала. Это у нас, видно, родовое. Не могла и не хотела жить, как по течению плыть. Представляете, стала ему изменять. А чем кончилось? С мужем развелась, школу бросила. То одни курсы, то другие. Да все

платные. Все мы с Мариной и оплачивали. А как вы думаете? Приходилось. И Валя работы меняла. Устроилась кассиром, а там обнаружилась недостача. Опять мы помогали. А она – всегда недовольная, требовательная. Все у нее виноваты, только не она, – махнула рукой с зажатым платочком, и неохотно закончила:

– Сменила трех мужей. Сейчас, говорит, нашла свое счастье, с каким-то гастарбайтером, азиатом, старшим братом ее предыдущего гражданского мужа. У нее от него – годовалый сын. Вот моя Марина и заболела от переживаний...

Она встала, прошлась по кухне.

– А я дачей лечусь. Там обо всем забываю. Пока работала, все отпуска проводила за городом.

Она опять горько заплакала.

– Когда выходила на пенсию, попросила дочь взять кредит. Она никогда ни в чем не могла мне отказать. Купили готовый дом, а тут эта неожиданная беда – ее болезнь, операция, и смерть. Теперь вот дом стоит, а Марины нет...

Всхлипнула.

– На что жить теперь буду, не знаю. На пенсию ведь не прожить. Экономлю сейчас на всем. Хорошо, удалось добиться погашения дочкиного кредита. Теперь еще нужно нанять адвоката: хочу всю недвижимость оформить на себя, через суд. Уж очень боюсь, что внучка, с дури своей, тайком от меня продаст свою квартиру и дачу.

– А почему дачу? – я удивленно смотрела на нее.

– Землю-то оформили на нее. Это был наш подарок на ее свадьбу. Там на участке тогда только маленький сарайчик стоял. А сейчас – новый дом. Большой. Красивый. Все ухожено. Деревья и кустарники плодоносят. Завидная дача. Боюсь, продаст и уедет со своим хахалем на его родину, а потом, когда он ее бросит, ко мне же и вернется. А жить с ней не смогу.

Я удивилась – как все, оказывается, непросто.

Она вновь затеребила свой поясок, и смущаясь, попросила займы на жизнь.

– Мне до пенсии перекрутиться, на адвоката у меня есть. Ждать нельзя, надо внучку опередить.

* * *

Весь месяц Нина бегала по судам, за бумагами. Временами заходила ко мне – вся черная, заплаканная. Рассказала, что с внучкой поссорилась, но своего добилась.

А потом исчезла на все лето. До самых заморозков жила у себя на даче. Изредка звонила, просила оплатить за нее коммуналку, чтобы было без пени.

Поздней осенью вернулась. Выглядела посвежевшей. Уже не плакала. Начала разбираться с вещами умершей дочери. Когда становилось невмоготу, заходила ко мне. Все обижалась на внучку, считала ее виновницей и болезни, и смерти Марины.

А потом все же помирилась с внучкой. Даже была у нее в гостях.

– Знаете, увидела маленького и все простила. Малыш такой умненький, все понимает, меня целует. Правда, на русского совсем не похож, но все равно – наш. Скоро пойдет, – все ее лицо осветила довольная и счастливая улыбка.

* * *

С началом зимы Нина Ивановна немного повеселела. В одежде появились светлые оттенки. Сменила окно в кухне – на пластиковое. Другие решила пока не трогать, повременить.

Как же она ждала весну!

Планировала, какие семена купить, какую высадить рассаду, читала книжки по садоводству.

– Руки земли просят. Не могу дождаться. Хочу скорее на свободу, на свежий воздух. Там мне легче жить. Дача у меня знатная, двухэтажная, с верандой. Работы там – невпроорот. Может и внучка приедет с маленьким. Ягодка пойдет первая, ей ведь цены нет. И поможет мне.

Казалось, полегчало ей. Время лечит.

А как—то забежала вечером. В непривычном белом свитерке, губы подкрашены, волосы завиты. Смущаясь, поделилась, что встретился ей мужчина, с которым когда-то работала. Он признался ей, что приглянулась она ему давно, еще

с тех пор, когда работали вместе. Жена его умерла, и он свободен. Стал в гости ходить, на чай. Немного смущаясь, сказала, что и она у него в гостях была, но никаких планов на него не строит.

– Разве только что по дружбе, на даче мне поможет, если захочет.

И вдруг потупила взгляд.

– Да и забыла я, что такое мужчина.

Я порадовалась за нее. Наконец-то судьба улыбалась ей. Вспыхнули давно забытые чувства.

Но вскоре Нина Ивановна с прежней, привычной для нее твердостью в голосе, заявила:

– Нет, пусть ни на что и не рассчитывает. Если хочет, пусть помогает на даче – не откажусь. А большего ему не будет.

* * *

Не зря говорят, что одна беда тянет за собой другую.

В конце января звонит по телефону, голос испуганный:

– С утра не пойму, что со мной. Нога, как не моя. Кое—как добрела до кухни. Что со мной?

Тогда, впервые за многие годы соседства, я зашла к ней в квартиру и подивилась бедности и непритязательности ее жилья. Квартира заставлена старой, облупившейся мебелью. В серванте обилие разномастной посуды. Второй

шкаф до отказа заполнен книгами, журналами, газетами. На подоконниках горшки с чахлой фиалкой. Потерявшие цвет обои. На них – старомодно висят почетные грамоты «За хорошие показатели», вымпелы Ударника коммунистического труда. Кое-где – пожелтевшие репродукции картин известных художников в дешевых рамках.

Вызвали врача, пришел фельдшер. Эпидемия гриппа, все врачи на срочных вызовах. Ни в чем не разобрался. Только через два дня появился врач, и то – с другого участка. Назначил лечение. Направить в больницу отказался.

Что делать? Соседка живет одна. Внучка не приезжает. Стала я сама делать назначенные уколы и приносить готовое питание. Дверь в квартиру Нина не закрывала.

Тогда и познакомилась я с Владимиром, ее ухажером. Приличный, серьезный человек, он так трогательно заботился о ней. Навещал каждый день, приносил продукты.

Стало ей немного легче.

Но неприятности у Нины множились.

Вздумала спуститься в лифте, во двор. А там – неожиданно упала навзничь, разбила лицо.

Соседи привели ее ко мне. Страшно смотреть. Лицо – сплошная рана. Сочится кровь.

– Проверить себя хотела, потренироваться, ведь дача впереди, болеть нельзя, – виновато оправдывалась Нина.

Не выдержала я. Вызвала внучку. Та приехала на такси, держа на руках годовалого ребенка. Увидев разбитое лицо

бабушки, ужаснулась, но не подошла, не пожалела, а стала отчитывать ее за «легкомысленное» поведение. Начала кричать:

– Я беременна, ты знаешь? И не могу ухаживать за тобой. Я сама чувствую себя плохо. Мне капельницы назначили. Это ты мне назло так себя ведешь.

Нина слушала все это молча. Потом стала успокаивать и оправдываться:

– Кто же знал, что так будет? Голова закружилась, вот и упала на ступеньки. Расшиблась. Меня теперь в больницу возьмут. Наверное, сотрясение у меня.

Вызвали «скорую» и упросили врача отвезти в больницу.

Собираясь, Нина все приговаривала, себя успокаивала:

– К весне вылечусь. А картошку, помидоры и огурцы теперь выращивать не буду. Так, травку посею, отдохну на воздухе, пока в себя не приду.

В больницу ее не положили. В приемном отделении было много народа. Там только обработали раны на лице. В том, что с ней случилось, отчего внезапно упала – не разбирались. Предложили платное обследование, но денег у Нины не было. Посоветовали обратиться к невропатологу, и отправили домой.

Дома Нине становилось все хуже и хуже. С трудом вставала. Уже не могла приходить на кухню – кружилась голова. И рука отказала.

Отвезли на платное обследование. Сделали МРТ, и –

ужас!... Опухоль головного мозга! Злокачественная. И уже – неоперабельная.

Состояние Нины катастрофически ухудшалось. В госпитализации ей всюду отказывали.

И тут я увидела внучку во всей красе.

Ей было не до больной бабушки. Она торопилась срочно оформить на себя генеральную доверенность, а бабушку отправить в хоспис, больницу для неизлечимых. Говорила, конечно, что переживает, но быть с бабушкой не может: беременна, самой надо лечиться. А другие родственники помочь не могут: двоюродная сестра – в другом городе, и там умирает от онкологии, а с племянником бабушки и с его семьей – сложные отношения.

Попросила помощи у подруги матери, которая жила в доме напротив, обещала заплатить. Попросила и меня, и Владимира присматривать за ней. И уехала.

Так прошло две тягостные недели. Нина совсем не поднималась с постели, временами проваливалась в забытие, речь становилась бессвязной.

Мы, в общем, чужие люди, дежурили у ее постели по очереди...

Владимир оказался удивительно внимательным к Нине. Не оставлял ее, насколько мог, помогал в уходе. Но основные тяготы легли на Ольгу, подругу Марины.

Валя звонила, иногда (не каждый день) появлялась и сразу же жаловалась на усталость и плохое самочувствие. Ее ин-

тересовало, сколько бабушка еще проживет. Мне говорила о том, как она нуждается в отдыхе и о своих планах поехать в Черногорию, там ее ждут знакомые. Но сможет не сейчас, а через полгода, когда вступит в права наследства и распорядится недвижимостью. И все это – при живой еще бабушке!

Я не выдержала, спросила:

– Почему ты тянешь с хосписом? Ты же видишь, и она, и мы —замучились. Нина Ивановна нуждается в профессиональном уходе.

– Скоро. Направление надо взять, справки еще не готовы, да и оплачивать дорого. Подожду, – ответила она.

За счет нас, фактически посторонних людей, она устраивала свои дела!

Только за сутки до ее смерти Нину Ивановну, наконец—то отправили в хоспис.

В крематории прощались с ней лишь Владимир и Валя с ребенком. Мужа ее так никто и не видел.

На поминках были внучка Валя, с годовалым сыном и вдруг объявившимся племянником с женой, Владимир, подруга дочери и я.

На скромном, наскоро собранном поминальном столе, стояла фотография молодой, симпатичной женщины. Суровой и волевой. Волосы гладко зачесаны. Губы сжаты, взгляд холодный, непроницаемый.

Говорили мало. В тишине позвякивали приборы. Эти звуки прерывались, словами сожаления, короткими воспомина-

ниями.

Я погрузилась в тяжелые раздумья. До меня, словно в тумане, доносились слова племянника:

– Эх, жаль тетю. Всю жизнь работала, а счастья так и не увидела, – говорил он, с аппетитом обгладывая куриную ножку.

Владимир, разливавший по бокалам спиртное, ответил ему:

– Не могу согласиться. Нина Ивановна достойно, и, думаю, счастливо прожила свою жизнь, – уважительно сказал он. – Много работала. Одна подняла на ноги дочь, дала ей образование. Да и тебе, – обращаясь к внучке, – и квартиру купила и обстановку. А наследство какое? Одна дача с насаждениями – ой, как недешева сейчас! А сколько она на ней горбатилась?

Валя недовольно поморщилась, но ничего не ответила, только согласно кивнула головой.

Видеть это было неприятно. Я-то была в курсе ее планов. Не будет она работать на даче, продаст за бесценок бабкину радость, променяет ее на отдых на море, за границей.

Грудь сжимало сознание несправедливости отношения к Нине, к ее трудной прожитой жизни.

Но где то мерило правильности прожитых лет? Прав Владимир – всю жизнь «горбатилась» для дочки, для внучки. А была ли счастлива? И так мгновенно покинула эту жизнь, оказавшись, по существу, никому не нужной? И, очень ско-

ро, я уверена, станет всеми забытой?

При жизни мы всего хотим, как будто награждены бессмертием. Но получаем ли?

И мысленно пожелала: Пусть земля тебе будет пухом, Нина Ивановна. Может там, в небесном мире, ты обрешь покой и счастье?

* * *

Начало марта тогда выдалось теплым, апрельским. Сквозь облака светило солнышко. Я возвращалась с пакетами из магазина и присела на лавочку у нашего подъезда.

Вспомнилась Нина. Никогда уже не увидит она ни этого солнышка, ни своей любимой дачи, не ощутит весеннего тепла и свежего воздуха.

Я тогда впервые задумалась. Три несчастных поколения. Мать, дочка, да, пожалуй, и внучка.

Что это? Рок? Или так сложилась их судьба?

Рок – это то, что неотвратимо, что изменить нельзя. Свою же судьбу можешь строить сам – но в определенном равновесии, гармонии, соизмеряя собственные силы и устремления – с силой Судьбы

Так ли строила ее Нина?

Почему судьба так сурово обошлась с ней? И с ее семьей?

Видно, за все в этой жизни надо платить. Нельзя, по словам А.С.Пушкина, «сохранять к судьбе презренье...».

Когда, кем и как, было нарушено эта гармония и равновесие в ее семье? Я так и не смогла найти ответ на свои вопросы.

Солнышко вдруг спряталось и сразу подул колючий, холодный ветерок. Как призрачно и обманчиво все в этом мире...

В растрепанных чувствах и мыслях я побрела к себе домой.

Смерть предстоит всему. Она закон – а не кара.

Откуда-то донеслись звуки музыки. Мягкий, теплый мужской голос задумчиво пел известный романс на слова Есенина. Я прислушалась. Пелось как будто для меня. Строки хорошо знакомого есенинского стиха вдруг так остро врезались в душу, что я остановилась.

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*

Да, все мы тленны. Но со смертью одного человека жизнь ведь не прекращается. Продолжается круговерть событий у каждого из нас. Продолжается и вечный круговорот в природе – законы мироздания не отменимы.

Зло не должно быть вечным. Нам на смену идут новые поколения. Растут и правнуки Нины. Может быть, им, познав трудную радость жизни, удастся обрести гармонию в себе

и быть в согласии с миром и со своей судьбой. Чтобы «процвести», и насладиться всем, что дарит нам солнечный свет.

Ветер стих. Небо посветлело.

Все-таки – март. Опять весна.

Жизнь бесконечна, и в этом – счастье...

Ласковый и нежный зверь¹

В тот день Вера Петровна Гладышева, заместитель главного редактора солидного книжного издательства, засиделась в своем кабинете допоздна. Она любила работать в эти часы, когда редакционный люд в массе своей уже разошелся по домам и наконец становилось тихо и спокойно. Никто не сновал взад-вперед, не отвлекал вопросами. Появлялась возможность сосредоточиться на текстах, ждущих ее оценки. А их, таких текстов, как всегда, было немало. Вера Петровна была той последней инстанцией, которая окончательно решала их судьбу: в производство, или в архив.

Возвращалась домой уже по темноте, усталой, но вполне удовлетворенной выполненной работой.

Лето еще не сдало свои позиции. Приятно согревал теплый, нагретый за день и еще не успевший остыть воздух. Она шла пешком – машина в автосервисе, да и идти было недалеко: через сквер, потом, выйдя на большую улицу, проехать несколько остановок на троллейбусе, а там и ее дом.

Сквер был темным. Редкие фонари тускло освещали кроны деревьев и на дорожках царил полумрак. В темноте едва угадывались лавочки, занятые влюбленными. Редкие прохожие не нарушали атмосферу спокойствия и какой-то таин-

---

¹ В рассказе приведен текст Сергея Алиханова к вальсу Евгения Доги из к/ф «Мой ласковый и нежный зверь».

ственности спокойного тихого вечера.

Но Вера Петровна торопилась выйти из этого сквера на привычный городской простор. Она не то, чтобы боялась этой тишины и полумрака, – ей просто хотелось поскорее добраться до своей остановки троллейбуса, чтобы быстрее оказаться у себя дома.

Уже на выходе из этого тихого сквера, с последней лавочки поднялись две фигуры в капюшонах, накинутых на головы. Боковым зрением она успела заметить, что фигуры направляются к ней. Тихо, молча. А вокруг – никого. Повеяло угрозой.

Сердце Веры Петровны забилося, тело покрыл холодный липкий пот. Она испугалась.

– Господи, хотя бы пронесло, – мелькнуло в голове. Она ускорила шаг.

Неожиданно один подошел сзади, грубо сдавил ей шею, в то время как другой пытался вырвать сумку из рук.

– Деньги, драгоценности, – произнес хриплый мужской голос. Она почувствовала, что к горлу приставлен острый предмет. Нож! Вера Петровна испугалась. Крепче прижала сумку к груди и торопливо пыталась снять с пальца кольцо. Оно не поддавалось. Тогда она потянулась к серьгам, и... заплакала.

– Возьмите сами! Все! Только живой оставьте.

Но грабителей интересовало другое.

– Сумку давай!

И с силой рванули ее из рук.

Но тут из темноты вдруг появилась мужская фигура.

– Стоять! – раздался повелительный голос.

Воришки ослабили хватку, но Веру Петровну не отпустили.

– Проходи, пока живой! Тебя не касается.

– Стоять! Полиция! Буду стрелять! – еще настойчивее повторил тот же мужчина.

Грабители бросились бежать, все-таки вырвав сумку из ее рук. Мужчина погнался за ними и скоро скрылся в темноте сквера.

У напуганной Веры Петровны сердце выскакивало из груди. Громко плача, она обессиленно присела на лавочку.

Через какое-то время из темноты показался ее спаситель.

В руках держал ее сумку.

Он тяжело дышал. Запыхался. Но глаза весело поблескивали. На лице довольная улыбка.

Большой и сильный, он смог вернуть ей похищенное.

– Успокойтесь, все позади. Можно сказать, отделались испугом.

Отдал сумку.

Веру Петровну трясло. Она заплакала еще сильнее.

– Может, «скорую»?

– Нет, не надо. Я сейчас приду в себя.

Но пошатнулась и чуть не упала. Попыталась встать – не получалось.

Он аккуратно, легко поднял ее, взял под руку.

– Вам надо передохнуть, успокоиться.

Вывел ее из сквера. Уверенно направился в темноту ближайшего двора, который оказался проходным. Они вышли на широкий оживленный проспект, наполненный людьми. Зашли в кафе.

Вера Петровна стала приходить в себя.

Посмотрела на своего спасителя – лицо его показалось ей знакомым.

– Кто вы? Не вас ли я видела сегодня у нас в издательстве? – с удивлением спросила она.

– Ну и встреча, – ответил мужчина. – А вы что, из издательства? Я действительно был там днем.

– Да, я работаю там. Заместитель главного редактора. Вера Петровна.

– Юрий Иванович, – ответил он.

Вера Петровна вспомнила, как сегодня в издательстве секретарь Даша терпеливо разъясняла высокому сухощавому человеку порядок рассмотрения направляемых произведений.

Да, несомненно, это был он, ее спаситель.

Тогда еще Вера Петровна удивилась, как этому автору удалось проникнуть к ним. Как удалось ему, простому посетителю, миновать охрану. Ведь сюда, в святая святых издательства, где трудились редакторы, посторонние не допускались. Впрочем, бросив беглый взгляд на худощавую, му-

скулистую фигуру, поняла – такие пройдут всюду. Не зря о сухопарых и жилистых говорят: – только на вид невзрачен, но в ухо даст – долго будет звенеть.

– Да, был я сегодня в вашей конторе. Неприятное осталось впечатление, – сказал Юрий Иванович, – но не будем об этом, когда тут такое случилось. Давно я так не бегал. В горле пересохло. А вы не против кофе? – спросил он у Веры Петровны.

Она не возражала.

Юрий Иванович заказал два кофе – себе и ей.

Горячий, тонизирующий напиток согрел Веру Петровну. Она перестала дрожать, расслабилась.

– Район этот у нас хоть и плохо освещен, но спокойный, происшествий как будто не было, – заметила она. – Надо же такому случиться...

И полюбопытствовала:

– А как вы оказались в этом сквере? И вообще – кто вы?

Юрий Иванович рассмеялся.

– Кто же еще, как не бандит, только из другой банды. Следил за вами.

Тут только Вера Петровна вспомнила, что в сумочке находился старинный портсигар, доставшийся ей в наследство. Быстро открыла и удовлетворенно вздохнула – он был на месте. Портсигар в их доме считали семейной реликвией. Предполагали, что это – работа Фаберже, или одного из его мастеров. Но – понадобились деньги. И вот уже несколько дней

Вера Петровна ходила с этим портсигаром по антикварным лавкам, пытаясь узнать его истинную ценность. Считала, что знатоки по достоинству оценят эту необычную, старинную и очень красивую вещь.

Портсигар их действительно интересовал. Но оценивали его очень по-разному. Потому и решила посоветоваться с директором – он слыл ценителем антиквариата. Директору вещь понравилась, и он подсказал адрес специалиста, которому доверял.

И вот, пожалуйста, сумку с портсигаром у нее пытались украсть. Неужели за ней следили?

Зашевелились подозрения.

– А вы-то сами, как вы оказались недалеко от редакции, в этом темном сквере, да еще так поздно. Вы что, ждали меня? – спросила Вера Петровна.

Юрий Иванович расхохотался.

– Неужели, я похож на бандита? Ну, вы совсем не разбираетесь в людях!

– Зря вы так говорите Мне и правда, все, что случилось, – непонятно.

Юрий Петрович, улыбаясь, смотрел на Веру Петровну.

– Ну что ж, придется признаться. Чистосердечно. Я не жулик. Можно сказать, хуже – я графоман. Это мое увлечение. Мое хобби. А по жизни – офицер, подполковник полиции. Сегодня, правда, был у вас в издательстве, но там нашего брата, графомана, не жалуют. Пришлось уйти ни с чем.

А неподалеку живет друг, учитель литературы, много лет директорствует в школе. Отвел с ним душу, тем более, что охраны у него, как у вас, слава Богу, нет. Надеюсь, и не будет.

Усмехнулся.

– А места эти мне знакомы. По роду деятельности. Ведь для полиции где темно, там и работа. Вот сегодня – только вышел от друга, то сразу в сквере услышал крики, увидел, как кто-то нападает на женщину. А это – непорядок. Ну а что было дальше – вы в курсе.

Он заказал себе коктейль.

Бармен тотчас подал ему бокал.

Юрий Иванович отпил немного, и с недовольством сказал бармену:

– Что ты мне подал? Микстуру какую-то. Мне надо, чтоб в нем алкоголь был, хотя бы чуть-чуть. Расслабиться хочется.

Молодой бармен стал объяснять:

– Это алкогольный коктейль. Особый. Называется «Коктейль Джеймса Бонда». Водка в нем прячется за ароматами полыни и можжевельника. Да так удачно, что ее и не слышно совсем. Только потом ее присутствие обязательно скажется. Чуть позже. Все здесь, как у Джеймса Бонда. Настоящий агент всегда незаметен. Пробуйте, не пожалеете.

Вера Петровна от души рассмеялась.

– Ну что, подполковник, вас тут, кажется, расшифровали! Осталось дать этому коктейлю другое второе имя – напри-

мер, «Ночной сквер» – и вы, как на ладони!

Юрий Иванович довольно улыбался.

– А вы, Вера Петровна, не хотите попробовать этот таинственный напиток?

– Спасибо. Я не пью коктейлей. А вот кофе, да еще с пирожным, я пожалуй, съела бы.

У Веры Петровны в состоянии волнения и стресса всегда пробуждался аппетит.

Здесь, в этом уютном кафе, волнения и тревоги уходили. Она вглядывалась в лицо ее спасителя. Сухое, твердое, с таким живым, веселым и умным взглядом. От него веяло спокойствием, уверенностью, силой. И надежностью.

– Давайте знакомиться, – предложил Юрий Иванович. – Расскажите о себе.

Вера Петровна согласилась.

– У меня все в жизни просто. Институт, потом издательство. Кстати, одно и то же всю жизнь. Там и карьера, недавно стала заместителем главного редактора. Вся моя жизнь – в работе. Работа, работа и еще раз работа.

– Замужем? Дети?

– Нет, я одна. А вы?

Он помолчал, вздохнул.

– Я рано овдовел. Жена и ребенок погибли, разбились в дороге. Чтобы забыться, уехал, куда глаза глядят. Где только не был. Работал много. Брался за самые трудные дела. Не щадил себя. Ничего не боялся. Живуч.

Он помолчал. Видимо, вспоминал опасные для жизни ситуации.

– Вернулся в родной город. Здесь мне кажется легче. Остались друзья. Все знакомое, близкое.

Опять задумался и неожиданно сказал:

– Влюблялся. И не раз. Но ни в одной женщине не смог найти жену. И тогда возникло желание писать о прожитом. О том, что видел, пережил. А видел немало.

Наклонил голову. Потом смущенно посмотрел на нее.

– Вот, начал писать. Даже неловко говорить. Но – так захватило! Время пролетает мгновенно. Поверьте, даже о еде забываю. И спать некогда. Свободного времени практически нет. А воспоминания текут, текут. Правда, они не всегда радостные...

– А какая-то литературная подготовка у вас есть?

Юрий Петрович засмеялся.

– У меня Пашка, друг детства, преподаватель литературы. И любитель чтения. Хорошо чувствует язык. Вот он и правит меня, жестоко, безжалостно. Времени не жалеет. Бывает очень обидно, когда все перечеркивает. Говорит, – так не бывает, или – описывай поступки героя – по ним только и можно судить о его характере. А еще ему идею подавай. Для чего это, для чего то, что ты хочешь сказать написанным. Вот и сегодня – просидел со мной до вечера. Я упрямый, спорю. Допил свой коктейль.

– А публикуют меня в интернете, в некоторых журналах.

Хотелось, чтоб и в издательство солидное приняли, в такое, как ваше. Но вам – не приглянулся. Эта ваша Даша – ее не обойдешь. Молодец, держит строй!

– Да просто вы обратились не по адресу. Мы рассказы издаем редко. Другой профиль.

Вере Петровне захотелось познакомиться с его творчеством, но она промолчала.

– Ну, что ж, пора по домам, – сказал он

Денег на такси у них не нашлось.

Юрий Иванович заявил – время позднее, и он проводит ее до дома. Она настойчиво уверяла его, что ничего не боится и доберется до дома одна.

– Вы что, меня за мужчину не считаете? Я о себе другого мнения. Не проводить вас в такое позднее время – не могу.

Улыбнулся: – Это было бы недостойно для подполковника полиции.

Поехали вместе на городском транспорте. Уже в пути неожиданно начался дождь. Когда подъезжали к нужной остановке, это был уже настоящий ливень. По улице неслись потоки воды.

Как только вышли из троллейбуса, Юрий Иванович неожиданно поднял Веру Петровну на руки и легко, быстро донес ее до подъезда дома.

Это был небольшой особняк, незаметный среди леса многоэтажек. До революции такие особняки обычно принадлежали одному хозяину.

– Ну, вы – как пушинка, – улыбаясь, сказал он. Вот и дома. Спасибо за доставленное удовольствие.

И помахал ей рукой на прощанье.

Вера Петровна попыталась удержать его.

– Как же вам теперь добираться? – спросила она. Вы ведь вымокли

– Да ну, что вы. Я сухой. С моего кожаного плаща все стекает. Не зря говорят: нет плохой погоды, есть плохая одежда.

– А ноги? Пойдемте ко мне, хотя бы ноги просушите.

Они поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж.

Жила Вера Петровна в двухкомнатной квартире. Много лет назад их семья владела этим домом. Для жилья занимали весь второй этаж.

Юрий Иванович с интересом огляделся. У него было впечатление, что он попал в прежде роскошный кабинет позапрошлого века, со старинной мебелью.

В центре стоял книжный шкаф из красного дерева с лепными украшениями, красивыми замками из бронзы. В нем недоставало одной дверцы. За стеклами шкафа виднелись тома книг в старинных кожаных переплетах.

– На кресла не садитесь, ножки сломаны, – предупредила Вера Петровна – Мебель старая. Никак не заменю. И отремонтировать не удастся.

На полу большой ковер с едва различимым восточным рисунком. Живые цветы в больших напольных керамических

вазах.

Книги везде – на столе, на этажерках, на креслах.

– Неужели вы все это прочли? – с удивлением спросил Юрий Иванович, разглядывая корешки книг.

– Чтение – моя профессия.

На стенах маленькие и большие портреты в темных рамках.

Его внимание привлек большой портрет молодой женщины в красивой овальной раме. На пальцах тускло сверкали камни. В лице женщины на портрете было заметное сходство с Верой Петровной.

– «Продолговатый и твердый овал,

Темного платья раструбы...

Юная бабушка! кто целовал

Ваши надменные губы?» – тихо произнес Юрий Иванович.

– Это действительно моя бабушка, – сказала Вера Петровна. – А вы знакомы с поэзией Цветаевой?

– Обижаете. Неужели думаете, что полиция ничего не читает?

Вера Петровна смутилась.

– И все это она оставила вам наследство? – спросил Юрий Иванович.

– От вас ничего не скроешь, – усмехнулась Вера Петровна, – но это – остатки.

– Да, работа моя такая, – усмехнулся он. – Но только

как об этом прознали бандиты? Рассказывайте, – попросил Юрий Иванович. Он изменился. Взгляд стал сухим, цепким, внимательным.

– Может быть, портсигар? – Вера Петровна вытащила из сумки завернутый в газету тяжелый предмет. Развернула.

Красиво украшенная тяжелая серебряная вещица не утратила своей привлекательности.

– Мне нужны деньги на ремонт квартиры. Много денег. Я отнесла ее в первую попавшуюся антикварную лавку. Обратила внимание, что антиквар ювелир осматривал его довольно долго, потом что-то сверял по каталогу и назвал сумму неожиданную, даже меньшую, чем серебро, как лом. Я не поверила ему. Отправилась к другому антиквару. Тот назвал цену более высокую. Но меня она тоже не устраивала. Тогда я и решила обратиться к нашему директору.

– Антикварные лавки разные. Нечестные люди там встречаются. Да и с ворами они порой связаны. А вещица ваша, похоже, представляет и художественную, и историческую ценность.

– За кем ваша бабушка была замужем?

– Он был капитаном морского флота ее Императорского величества – произнесла Вера Петровна с горделивыми интонациями.

Он помолчал, а потом без стеснения попросил:

– Честно признаться, я страшно голоден. Покормите меня.

Вера Петровна растерялась. На ужин у нее оставалась тарелка супа и две котлеты. Она вытащила из дубового резного буфета посуду, быстро сделала бутерброды с сыром и с остатками колбасы. Хлеба едва хватило.

Он с удовольствием проглотил бутерброды.

Видя, с каким аппетитом он их поедает, предложила холодные котлеты, прямо из холодильника. Съел и их, с таким же удовольствием. Потом дорвался до конфет в вазочке, и не заметил, как они исчезли.

Вера Петровна рассмеялась:

– Робин, Бобин, Барабек!

– Скушал сорок человек, – подхватил он известную английскую дразнилку.

Продолжали ее уже вместе.

Весело смеясь, громко закончили:

– «А потом и говорит: У меня живот болит!».

Атмосфера в доме стала теплой, уютной.

Расположение Веры Петровны к своему гостю было полным, да и Юрий Иванович чувствовал себя комфортно.

– Вы знаете, – стала рассказывать Вера Петровна, – когда папа умер, мама не работала. Мы выжили только продавая бабушкины вещи. Признаться, денег хватало, жили неплохо. Я получила образование. Мама старалась, чтобы у меня было все.

И вдруг замолчала, словно застеснялась своей откровенности.

– Спасибо вам, Юрий Иванович.

– Да за что?

– За ваше неравнодушие.

– А вам спасибо за хлеб-соль. Вот уже и полночь. Я обсох, сыт. Пора и честь знать.

Быстро собрался и ушел.

Вера Петровна долго не могла заснуть. Вспоминала свое детство, маму, которая называла ее умницей, красавицей. Ей вторили ее подруги, соседи, учителя. Дома делали все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Росла своенравной, взбалмошной. Но училась хорошо. Окончила школу с золотой медалью. Легко поступила в Литературный институт. Но ни одноклассники, ни однокурсники ее не любили. Чрезмерно горда, заносчива, не терпит другого мнения. В общении с ней неприятно ощущалось ее стремление подавить, подчинить, даже унижить. Не нравилось и постоянное желание покрасоваться внешне. Она не замечала этого, обижалась: за что к ней такое отношение? Она ведь не такая на самом деле. И нежности, и жалости в ней – не меньше, чем у других. Но считала, что если она права, то почему же и другим не прислушаться к ней?

Влюбилась в десятом, оказалось – на всю жизнь. У нее все было так – с выбранного пути не сворачивала.

Александр, ее избранник, учился в той же школе, был красив, успешен, держался так же независимо, как и она. Его тоже считали заносчивым. В школу привозили на машине –

он рос в состоятельной семье. Она старалась встретить его у школы, привлечь его внимание на переменах...

Очень старалась, упорно, настойчиво, но без успеха. Александр не замечал ни ее, ни других девчонок. Рассказывали, что общается он только с дочерью директриссы, их готовят к поступлению в МГИМО.

Надежды, что он заметит ее в школе, таяли на глазах. Переживала, плакала. Тогда и пришло понимание, что бывают обстоятельства, которые сильнее ее желаний. Которым приходится подчиниться.

На нее обращали внимание ребята, но смотрела на них свысока. Продолжала по-детски мечтать об Александре. Он остался для нее эталоном мужской красоты и мужской власти.

Повзрослела она после смерти матери. Тогда ей очень помог директор издательства Ашот Рустамович. Полный, веселый человек, на двадцать лет ее старше, он очень помог ей в организации и похорон, и поминок. А через месяц пригласил ее в кабинет и без всякого стеснения, властно, предложил стать его любовницей.

– Все для тебя сделаю. Квартиру, машину. Что хочешь. Нравишься мне.

Вера Петровна растерялась. Потупившись, попросила дать ей время подумать. А втайне была удовлетворена и польщена. Ей по душе были люди властные, способные принимать решения и добиваться своего. Такие мужчины были

для нее и понятны, и желанны. Она привыкла командовать – но могла и подчиняться – в особенности такому, настоящему мужику.

Уже через месяц Ашот Рустамович назначил ее заместителем главного редактора. Ей была придана служебная машина.

Назначение на достаточно высокий пост явилось неожиданностью для всего редакционного коллектива. Но работать она умела. Подчинялись ей беспрекословно. Так на практике познала она силу власти и почета, и цену всему этому. Тогда и поняла, что надо самой пробиваться в жизни, пробиваться либо трудом, либо... продавать себя.

В свои тридцать лет она была очень красива. Тонкие черты лица, смуглый цвет кожи, миндалевидный разрез черных глаз. Стройная изящная фигура, всегда элегантно одета.

Но личной жизни у нее так и не получилось. Встречи с Ашотом Рустамовичем были нечасты – у того была жена, дети, и к своей семье он относился трепетно. А Вера Петровна – для отдушки, для развлечения, на время.

Дома ее ждала старая квартира, полуразрушенная мебель, книги, и... одиночество.

Жесткой, прямолинейной, непреклонной она была на работе. Дома же ей хотелось одарить кого-то своей добротой, нежностью, заботой. Так, как одаривала ее мама. Ее бедная мама, такая наивная, все чувствующая и переживающая.

А Вере Петровне переживать было не за кого. Одиноче-

ство давило, и привыкнуть к нему она не могла.

* * *

Прошла неделя. В субботу, рано утром, в дверь Веры Петровны кто-то позвонил. Удивилась, увидев Юрия Ивановича.

В неизменном кожаном пальто он выглядел посвежевшим и помолодевшим. Вытащил откуда-то три темно-вишневые розы и, чуть стесняясь, протянул ей. Вера Петровна зарделась так, что цвет ее щек стал сходен с цветом этих свежих роз. И то, что перед ней стоял Юрий Иванович, и эти чудные, нежно пахнущие розы – все это было удивительно, и очень приятно.

Внимательно, очень серьезно он посмотрел на нее. Взгляд его темных глаз заставил ее затрепетать. Казалось, он проникал до самых глубин ее души. Все знающий, все понимающий.

– Я вот тут освободился. В смысле, у меня есть время, – поправился он. Предлагаю сходить вместе к тому оценщику, с которым работаем мы, и закончить вопрос с этим портсигаром, – сказал он. Войти в квартиру отказался, ждал ее на лестничной площадке.

Стояло отличное ясное осеннее утро. Свежий резкий воздух хотелось кусать. Они вошли в магазин, и сразу прошли в подсобку. Их ждали.

– Ну, Григорий, скажи нам про эту вещицу, что знаешь, – спросил Юрий Иванович.

Сухонький, старенький человек, с бородкой, согласно кивнул головой. Взял в руки портсигар, внимательно рассмотрел со всех сторон – и просто так, и с помощью лупы. Потом полез в растрепанный толстый каталог. Довольно долго копался в нем, что-то сверял, время от времени снова разглядывая портсигар в лупу.

– Занятная вещица. Ей не меньше 150 лет. Вы, молодые люди, привыкли всюду дымить. Но, знаете ли, что в России курить на улицах, и в общественных местах, было разрешено только в середине XIX века? А до того – ни-ни! Вот тогда и появились первые портсигары, и лучшие делали на знаменитой фабрике Карла Фаберже. Очень похоже, что ваша вещь из тех времен и того же мастера. Очень тонкая работа. Карл Густавович знал свое дело. И клеймо свое оставил. Видите, здесь, в углу – маленькая буква «к» с точкой.

Эта букву можно было разглядеть только с помощью лупы.

– Вы как хотите, сразу за нее получить, или передать на аукцион? На аукционе за нее хорошие деньги можно взять.

Стоимость портсигара, которую предложил им оценщик, многократно превышала ту цену, что Вере Петровне называли раньше.

Вера Петровна решила получить деньги сразу. На них, как

оказалось, можно сделать не только ремонт, но еще и мебель приобрести, а ее она давно уж приглядела. Благодарности не было предела.

Зашли в ресторан и отметили удачную сделку. Вера Петровна чувствовала себя совершенно счастливой еще и потому, что рядом был Юрий Иванович. Он ухаживал за ней так умело, так тонко, что она забыла о своей самостоятельности, решительности и привычке брать все на себя и всем распоряжаться. Оказалось, что куда приятнее подчиниться человеку, который тебя уважает, понимает, знает, в чем ты нуждаешься, что тебе нужно.

Когда они вместе танцевали вальс, она с волнением ощущала властные объятия его сильных рук, мужской запах его парфюма и запах мужской кожи. Она чувствовала, что он раздевает ее глазами, и щеки ее, как у молодой девушки, рдели от смущения. Неодолимое влечение к этому сильному, смелому, жесткому, и одновременно простому, умелому, все понимающему, и нежному человеку, вдруг овладело ею. Хотелось его обнимать и целовать, целовать... Подчиняться ему во всем. Это был ее мужик. Ее зверь.

На них с любопытством оглядывались.

В который раз, Веру Петровну приятно поразила его привычка везде чувствовать себя хозяином жизни. Он никого не стеснялся, никого не боялся. Она чувствовала себя защищенной от всех бед.

С этого времени Юрий Петрович стал появляться в ее

жизни все чаще и чаще. И она ждала этих встреч.

В одну из них, он подарил ей сборник своих рассказов, изданный малым тиражом, для друзей. И опять она была приятно поражена. Ждала приключений, схваток, преследований бандитов, детективных сюжетов. Все-таки автор – подполковник полиции! Все это, конечно было – и стрельба, и преследования. Но в этих рассказах было и другое – такое глубокое и тонкое понимание психологии, духовной жизни женщины, проникновение в мир ее чувств, переживаний, такое неизменное уважение к ней...

Этот ее полицейский зверь умел быть ласковым и нежным.

Прошло два месяца.

Она уже скучала, если о не видела его несколько дней. Поняла, что боится потерять его. Но она ждала.

Когда приходил, старалась накормить, обиходить. Для него у нее всегда были припрятаны бутерброды с колбасой. Ее уже не удивляло, что он всегда голоден. По оттенкам голоса она чувствовала его настроение. Оказалось, что у них много общего – интересы, взгляды, вкусы.

Они нашли друг друга.

Однажды, гуляя поздним вечером по осеннему скверу, они услышали, как из раскрытых окон звучит ее любимый вальс. Сложная, как жизнь, порывистая, волнующая и нежная мелодия любви. О ней. И о нем.

*Ты и я – нас разделить нельзя,
Без тебя
нет для меня ни дня
Пусть любовь далека и близка, как весна,
Но навсегда в нашу жизнь я влюблена.
Я влюблена...*

Глядя ему прямо в глаза, Вера Петровна тихо сказала:

– Это ведь про нас песня. Про меня, и про тебя. Мой ласковый и нежный зверь...

Юрий Иванович обнял ее бережно, нежно, и поцеловал.

Пять дней в Провансе

Кира улетала в Южную Францию, в Прованс. На несколько дней, погостить у Ани, своей давней, когда-то очень близкой подруги. Не виделись почти десять лет, с тех пор, как Аня неожиданно для всех вышла замуж за француза и покинула страну. И вот теперь пригласила побывать у неё – посмотреть на Францию, познакомиться с её мужем и сыном, и просто посидеть, поболтать. Совсем, как раньше, обо всем.

Дружили ещё с института. Киру всегда тянуло к Ане. Легкая и веселая, она привлекала своей общительностью, жизнерадостностью и жизнелюбием. В ней было то, чего так не хватало Кире – спокойной, серьезной, рассудительной.

Кира стремилась всё понять, во всём разобраться, докопаться до сути. Такие разные, в институте они часто оказывались центром притяжения. Жизнь вокруг них бурлила ключом.

Аня часто влюблялась, всегда – как в последний раз. Уже на четвертом курсе вышла замуж, но через год, на пятом – развелась. Легко, без слёз и переживаний. По окончании института по туристической путевке съездила во Францию. Там, не зная языка, сумела познакомиться с французом. Влюбилась, вышла за него замуж и осталась там.

По её письмам Кира знала, что у них родился сын. Писать Аня не любила, короткие письма напоминали телеграммы.

Ясно только, что жизнь во Франции ей нравилась.

А у Киры личная жизнь так и не сложилась. После института – изматывающая связь с уже женатым мужчиной, который оставил её. И сейчас, после расставания, чувствовала себя покинутой. Осталось чувство разочарования – и не столько в мужчинах, как в себе. И ощущение собственной вины.

Вспоминать об этой связи не любила, ушла в работу, да так и осталась в ней. В душе всё потухло, отзвучало. Встреч интересных, да и не интересных, с той поры так и не случилось. И не стремилась к ним.

Работала детским врачом. Работа нравилась. Но большая ответственность, перегруженность, да и сам бешеный ритм столицы, постоянные пробки всё больше выматывали. К концу недели так уставала, что пределом ее мечтаний становились только диван, плед и книга.

В последние годы и выходные дни всё больше проводила дома. Общалась по телефону, да и подруг имела немного.

Когда Аня, её подруга по институту, предложила погостить у неё в Провансе, с радостью согласилась. Душа давно просила ярких впечатлений и настоящего тепла. Очень хотелось увидеть и Аню, и южную Францию. «Закисло я, надо бы проветриться», – думала она.

Купила новые джинсы, пару футболок, взяла с собой старую, но любимую блузку, юбку «на выход». Выбрала удобные туфли, на небольшом каблуке.

Труднее оказалось с подарками, но справилась и с этим –

вспомнила, что Аня любила конфеты. Прихватила кое-какие мелочи – для ребенка. Оформила отпуск, визу и уже через несколько дней летела в Марсель.

Рейс поздний, соседи дремали, закутавшись в пледы. А Кире не спалось. По телевизору показывали запись выступления Милен Фармер, французской певицы. Слушала с удовольствием. Когда-то им с Аней удалось попасть на её концерт – с большим трудом. Наполнили воспоминания о юности, учёбе в институте, об их дружбе. Как быстро пролетело то прекрасное время – пора юношеских надежд, романтических мечтаний, время беззаботного, розового тумана и наивной влюбленности!

Четыре часа полёта пролетели незаметно. Стюардесса объявила о благополучном приземлении.

И вот уже паспортный контроль. В очереди неожиданно перехватила устремлённый на неё взгляд мужчины. Давно не замечала такого. Стройный и худощавый, он жестом уступил место перед собой. Приветливо улыбнулся, что-то сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.